

Гризли

Автор:

Джеймс Оливер Кервуд

Гризли

Джеймс Оливер Кервуд

Золотая полка мировой литературы

Известный роман американского писателя Джеймса Оливера Кервуда о трогательной дружбе осиротевшего медвежонка Мусквы и огромного медведя Тэра. Книга продолжает мини-серию подарочных изданий о природе с иллюстрациями петербургского художника Владимира Канивца.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Джейм Оливер Кервуд

Гризли

© В. Неделин, перевод, наследники, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава1

Король и его владения

Безмолвно и неподвижно, словно огромный красно-бурый утёс, стоял Тэр, оглядывая свои владения. Маленькие и широко поставленные глаза его, как и у всех гризли[1 - Гризли – крупный серый медведь, обитающий в Северной Америке.], видели плохо. На расстоянии трети или полумили ему ещё удавалось рассмотреть козу или горного барана, но дальше всё исчезало либо в сверкающем солнечном мареве, либо в непроглядном мраке ночи, и только по запахам и звукам Тэр догадывался о том, что творится вокруг. Он и теперь не мог видеть, что происходило внизу, в долине. Ветер приносил оттуда странный и непонятный запах, который беспокоил Тэра. Именно это и насторожило его, и теперь Тэр стоял тихо, не шевелясь. Тщетно ум животного бился над разрешением загадки. Пахло не карибу [2 - Карибу – некрупный канадский олень.]– их-то он убивал немало, – не козой и не горным бараном. Это не был запах ленивых толстых сурков, нежащихся на согретых солнцем скалах, – сурков он ел сотни раз... Этот запах не вызывал у него ни злобы, ни страха. Тэра разбирало любопытство, и всё же он не решался спуститься вниз. Удерживала на месте осторожность. Но, даже если бы у Тэра было прекрасное зрение, он всё равно не узнал бы больше того, что рассказал ему ветер.

Тэр стоял у самого края уступа скалы. В одной восьмой мили[3 - Миля – 1852 м.] под ним расстилалась долина, а на таком же расстоянии вверх от него шла расщелина, по которой медведь спустился сюда вчера днём. Ложбинка на уступе горы, не более акра[4 - Акр – мера земли, равная 4046,86 м

.] величиной, заросла по краям роскошной мягкой травой и цветами: пестрели фиалки, лоскутки незабудок, дикие астры и гиацинты. А посередине её была жидкая грязь, и место это, футов[5 - Фут – 30 см.] в пятьдесят шириной, Тэр посещал всякий раз, когда у него начинали болеть ноги.

На север, восток и запад в золотистом свете июньского утра распахнулась удивительная панорама Канадских Скалистых гор. Отовсюду – из прорезанных в сланце ложинок и узких теснин, со скал, подбирающихся к линии вечных снегов,

из долин – неслось, наполняя округу, монотонное, ласкающее журчание. Реки, потоки и ручьи стекали вниз из-под самых облаков, оттуда, где лежали вечные снега, и в воздухе, не умолкая, звучала музыка бегущей воды. Всё благоухало. Последний месяц северной весны, июнь, шёл на убыль, уступая место первому месяцу горного лета.

Ранние цветы уже покрыли солнечные склоны яркими коврами – красными, белыми, пурпурными. И всё живое пело: толстые сурки на скалах, важные гоферы[6 - Гофер – североамериканский грызун.] на своих холмиках, огромные шмели, перелетающие с цветка на цветок, ястребы, орлы, парящие над вершинами. Даже Тэр и тот по-своему пел: когда он всего несколько минут назад топтался в вязкой грязи, из огромной груди гризли вырывалось какое-то странное урчанье, не похожее ни на его воркотню, ни на рёв. Это значило, Тэр доволен – это была его песня. И вот прекрасный день вдруг как-то сразу померк. Не шевелясь, Тэр всё ещё принюхивался к ветру. Он был озадачен. Запах волновал его, хотя и не вызывал тревоги. Незнакомый запах действовал на гризли так же, как первый обжигающий глоток бренди на ребёнка. И низкое, зловещее, как отдалённый гром, рычание вырвалось у него из груди. Сознание подсказало наконец, что владыка этих просторов не кто-нибудь, а он, гризли, и появление здесь какого бы то ни было непонятного ему запаха – вещь просто недопустимая.

Медленно поднялся он во весь свой десятифутовый рост и, как дрессированная собака, уселся, уронив, на грудь отяжелевшие от облепившей их грязи передние лапы. Десять лет прожил Тэр здесь, в горах, а такого запаха ему не довелось слышать. И никак нельзя было примириться с этим. Он ждал, пока запах усилится.

Тэр не прятался. Резко выделяясь на фоне гор, стоял он, не заботясь, что его увидят. Размеры его казались чудовищными, а новая июньская шуба отливала на солнце золотисто-коричневым блеском. Передние лапы его толщиной были почти с туловище человека, из них торчали огромные когти-ножи, по пять с половиной дюймов[7 - Дюйм – 2,54 см.] каждый. Лапы гризли пропахали в грязи две параллельные борозды, расстояние между которыми было не меньше пятнадцати дюймов. Он был толстый, гладкий и могучий. Глазки, не больше

мелких орехов гикори[8 - Ги?кори – дикий орешник с мелкими орехами.], сидели в восьми дюймах один от другого. Два верхних клыка, острые как кинжалы, были длиной с большой палец мужчины, а огромным челюстям ничего не стоило перегрызть шею карibu.

Тэру ещё не приходилось встречаться с человеком, и ещё ничто не могло ожесточить его. Подобно большинству гризли, он никогда не убивал ради удовольствия убить. Из целого стада выбирал он одного карibu, которого и съедал без остатка, высосав мозг из каждой косточки. Царствовал Тэр мирно. И требовал он только одного: «Не тронь меня». Это же самое говорила и вся его поза, когда, сидя на задних лапах, он принюхивался к незнакомому запаху.

Неприступные вершины гор вздымались высоко в небо. Могучий, одинокий, величественный, гризли был под стать этим горам. Равных ему не было в горных долинах. Гризли неразлучны с горами – так повелось из века в век, – и Тэр был весь плоть от плоти и кровь от крови этих гор. Среди них начиналась, среди них и угаснет вся его родословная.

До сих пор не случалось такого, чтобы кто-нибудь мог усомниться в могуществе и правах Тэра, разве только его же сородичи. Но с ними он обычно дрался по всем правилам и нередко – насмерть... И он готов был к новым схваткам, пусть только посягнут на его права. А пока его не свергли, он здесь властелин, вершитель судеб и – захоти только им быть – деспот.

Династия, к которой принадлежал Тэр, царила здесь, в долинах, и на склонах гор испокон веков, и всё живое было послушно её велениям. Правил здесь и Тэр. Делал он это попросту. Его ненавидели, перед ним трепетали. Но сам он не знал ни ненависти, ни страха и действовал в открытую. Ему ли было прятаться от того неизвестного, что надвигалось на него снизу, из долины?

Пока он сидел, поводя острым коричневым носом, какая-то неясная нить протянулась в сознании гризли к далёким поколениям предков. Тэр никогда раньше не слышал подобного запаха, и всё же теперь тот не казался ему совершенно незнакомым. Запах не находил себе названия и не вызывал никакого определённого образа, но Тэр уже знал, что это – угроза.

Минут десять сидел гризли, словно каменное изваяние. А потом ветер переменялся, и запах стал слабеть, пока не исчез совсем. Плоские уши Тэра слегка приподнялись. Медленно повернул он свою огромную голову и оглядел зелёный склон и уступ. И теперь, когда воздух был снова чист и свеж, он сразу забыл этот обеспокоивший его запах. Гризли опустился на четвереньки и возобновил прерванную охоту на гофера.

Зрелище получалось довольно забавное. Тэр весил добрую тысячу фунтов[9 - Фунт – 409 г.], а горный гофер не больше шести дюймов величиной весит шесть унций[10 - Унция – 30 г.]. Но Тэр мог без усталости копать землю хоть час, чтобы достать маленького, толстого гофера и проглотить его, как пилюлю. Это было лакомство, на поиски которого Тэр не жалел ни трудов, ни времени.

Облюбовав нору, расположение которой его устроило, гризли принялся разгребать землю, как собака, охотящаяся за крысой. Тэр находился на самом вершине склона. Ещё раз или два в последующие полчаса поднимал он голову, но странный запах из долины больше не беспокоил его.

Глава 2

Незванные гости

А тем временем милей ниже, в долине, там, где ель и пихта, подступая к оврагу, начинали редеть, Джим Ленгдон придержал лошадь. Долго смотрел он перед собой, затаив дыхание. Потом вздохнул с наслаждением и, подогнув правую ногу, удобно упёрся коленом в луку седла. Он ждал. Отстав от него ярдов [11 - Ярд – 91 см.]на двести-триста, Отто, всё ещё не выбравшийся из леса, никак не мог справиться с Дишпен, упрямой вьючной кобылой.

Ленгдон улыбался, прислушиваясь к выкрикам спутника, грозившего Дишпен всевозможными карами, начиная с обещания немедленно вспороть ей брюхо и

кончая посулом более милосердной смерти – от удара дубинкой. Дух захватывало от всех этих обещанных ужасов, на выдумку которых разъярённый Отто бывал неистощим. Однако на лошадей они не производили никакого впечатления. У Ленгдона же вызывали улыбку и восхищение. Он прекрасно знал, что, как только огромный, добродушный Брюс Отто упрётся плечом в тюк на спине лошади, желая помочь ей, именно в этот момент Дишпен опрометью кинется вперёд, а уж после этого бедняге не останется ничего другого, как разразиться такими проклятиями, от которых кровь стынет в жилах.

Но вот одна за другой все шесть вьючных лошадей экспедиции выбрались из чащи. Здоровенный детина верхом на индейском горном пони замыкал шествие. Он сидел в седле согнувшись, подтянув колени почти к самому подбородку: такая посадка выработалась у него за долгие годы жизни в горах, да и то потому, что нелегко, конечно, человеку шести футов и двух дюймов ростом ехать верхом на пони.

Ленгдон спешил и осмотрелся. Его отросшая светлая борода подчёркивала густой загар лица. Расстёгнутый ворот рубашки открывал обветренную и загорелую шею. Серо-голубые глаза его, острые и пронизательные, изучали окрестность с весёлым упорством охотника и искателя приключений.

Ему было тридцать пять лет. Половину своей жизни он проводил в диких местах, а всё остальное время писал об увиденном.

Спутник его был лет на пять старше, но зато на шесть дюймов выше, если, конечно, лишние шесть дюймов можно считать преимуществом. Брюс полагал, что никакого преимущества здесь нет. «Вся беда в том, – говаривал он, – что я никак не перестану расти».

Он подъехал к Ленгдону и спешил.

– Видел ты что-нибудь подобное? – спросил Ленгдон.

– Недурное местечко, – согласился Брюс. – И самое подходящее для лагеря. Здесь тебе и карибу, и медведи. Свежее мясо нам не помешает. А ну-ка, дай спичку, Джим.

У них вошло в обычай раскуривать трубки от одной спички. После первой глубокой затяжки Ленгдон кивнул в сторону леса, из которого они только что выбрались.

– Здесь бы и разбить лагерь, – сказал он. – Сухой хворост, проточная вода и пихта; из пихты можно устроить хорошие постели. А лошадей стреножим и выпустим на ту лужайку в миле отсюда, через которую мы проезжали. Там и травы, и дикой тимофеевки край непочатый. – Он взглянул на часы. – Ещё только три. Можно отправляться дальше... Но... Как по-твоему, может быть, задержимся на денёк-другой, посмотрим, что здесь хорошего?

– Что ж, пожалуй, – отозвался Брюс.

Он сел, прислонившись спиной к скале, и пристроил на коленях длинную подзорную трубу из меди. Труба эта была реликвией ещё времён Гражданской войны.

Ленгдон отстегнул от седла бинокль, привезённый из Парижа.

Они сидели плечо к плечу, внимательно исследуя холмистые склоны и зелёные скаты гор, возвышавшихся перед ними.

Вот она, дикая, «неведомая страна», как окрестил её Ленгдон. Ведь к этим местам невозможно было подступиться; непроходимые дебри окружали их со всех сторон, и, насколько можно было судить, нога человека ещё не ступала здесь. Двадцать дней продирались Брюс и Ленгдон сквозь эту чащу и прошли всего сто миль; каждая миля досталась им с трудом. Вчера днём перевалили через гребень Великого Водораздела, который, казалось, расколол самые небеса надвое, а теперь они рассматривали первые зелёные склоны и величавые вершины Файерпенских гор.

На севере – а они направлялись на север – протекала река Скина; на западе и юге лежала горная страна Бэбин с бесчисленными реками и озёрами; на востоке, за Великим Водоразделом, – горный район реки Оминеки и притоки Финлея.

Охотники ушли из обжитых мест десятого мая, а сегодня уже тринадцатое июля. Теперь они наконец у заветной цели. Два месяца пробирались они в эти края, куда ещё не проникал человек. И их старания увенчались успехом. Сюда не забредал ни охотник, ни старатель. Сказочная долина расстилалась перед ними. И сейчас, на пороге её тайн и чудес, Ленгдон испытывал ту особую радость и упоение, которые понятны только людям одного с ним душевного склада.

Его друг и товарищ Брюс Отто, с которым он пять раз забирался на север, считал, что все горы совершенно одинаковы. В горах он родился и прожил жизнь. В них же, скорее всего, и умрёт.

Брюс вдруг резко толкнул Ленгдона локтем в бок.

– Вижу трёх карibu, – сказал он, не отрываясь от подозрительной трубы. – Идут поперёк склона, милях в полтора вверх от долины.

– А я – козу с козлёнком. Вон там, на чёрном сланце первой горы справа, – отозвался Ленгдон. – Бог ты мой! А вот и «батюшка» смотрит на неё вверх, с утёса... Да у него борода в целый фут длиной! Ставлю что хочешь, Брюс, – мы очутились в настоящем райском саду.

– Пожалуй, – рассеянно сквозь зубы процедил Брюс, пристраивая подозрительную трубу повыше на колене. – Здесь полным-полно горных баранов и медведей, уж поверь моему слову.

Минут пять они молча наблюдали. Позади них лошади жадно щипали густую, сочную траву. Долина, казалось, спала, затопленная морем солнечного света. И только голос воды, бегущей с гор, звенел в ушах Ленгдона и Отто. И Ленгдон подумал, что так бывает только во сне.

Долина напоминала огромную, уютно свернувшуюся кошку. А все звуки, слившиеся в их ушах в одно мелодичное журчание, были её блаженным сонным мурлыканьем.

Ленгдон всё ещё наводил бинокль, чтобы поближе разглядеть козла, застывшего на утёсе, когда Отто снова заговорил.

– Вижу гризли, здоровенного, как дом, – сообщил он бесстрастно.

Редко кому удавалось нарушить его невозмутимость. Разве что вьючным лошадям и особенно этой Дишпен. Самые же волнующие сообщения вроде последнего Брюс делал с такой небрежностью, словно речь шла о букетике фиалок.

Ленгдон резко выпрямился.

– Где? – спросил он и нагнулся над плечом товарища, прослеживая направление подзорной трубы. Нервы его напряглись.

– Видишь, вон там склон у второго отсюда перевала... прямо за ущельем? – сказал Брюс, прищуривая глаз. – Он как раз на полпути к этому перевалу. Выкапывает гофера.

Ленгдон навёл бинокль на склон и ахнул.

– Видишь? – спросил Брюс.

– Как будто перед самым носом, – отозвался Ленгдон. – Брюс, да ведь это самый большой медведь во всех Скалистых горах!

– Если не он, то его двойник, – усмехнулся невозмутимый Брюс. – Он больше твоего восьмифутового на добрую дюжину дюймов, Джимми! И... – на самом интересном месте Брюс умолк, вытащил из кармана плитку чёрного «макдональда»[12 - «Макдо?нальд» – название жевательного табака.] и откусил добрый кусок, не отрываясь при этом от подзорной трубы, – ...и ветер нам благоприятствует, а он сейчас так увлётся, что ничего не замечает, – закончил Брюс и поднялся.

Вскочил и Ленгдон. В такие минуты товарищи понимали друг друга без слов. Они завели лошадей обратно в лес и привязали их там. Из кожаных чехлов вытащили ружья и зарядили их крупным зарядом. После этого оба минуты две изучали склон и подступы к нему невооружённым глазом.

– Можно пробраться по ущелью, – предложил Ленгдон.

Брюс кивнул.

– По-моему, оттуда можно стрелять ярдов с трёхсот, – сказал он. – Лучшего не придумаешь. Если подходить снизу, он почует нас. Эх, будь это часа на полтора раньше!

– Тогда мы бы залезли на гору и свалились прямо на него! – со смехом отозвался Ленгдон. – Когда дело доходит до лазанья по горам, то второго такого сумасшедшего, как ты, Брюс, днём с огнём не сыщешь. Ведь ты способен перевалить хоть через Хардести или Джикай, лишь бы подстрелить козла сверху, пусть даже ты мог бы с тем же успехом сделать это и не забираясь на гору. Хорошо, что сейчас не утро. Нам удастся добраться до этого медведя и по ущелью.

– Возможно, – сказал Брюс.

И они отправились.

По зелёным, цветущим лугам они шли не скрываясь, пока не приблизились к гризли примерно на полмили. Дальше он уже мог увидеть их. Ветер переменялся и задул прямо в лицо. Они заторопились и не сбавляли хода, пока почти вплотную не подошли к склону, скрывавшему медведя. Теперь до него идти было всего минут пятнадцать. Ещё через десять минут они вышли к ущелью, заваленному камнями; весенние потоки, веками падающие со снеговых вершин, промыли его в склоне горы. Здесь они внимательно огляделись вокруг. Великан гризли находился сейчас от них ярдах в шестистах вверх по склону и меньше чем в трёхстах от ближайшего к нему выхода из ущелья. Поэтому Брюс заговорил шёпотом.

– Ты поднимешься наверх и подкрадешься к нему, Джимми, – сказал он. – Если промажешь или только ранишь его, то он сделает одно из двух... а то и из трёх: займётся тобой или удерёт через расщелину, а то и спустится в долину... вот здесь. Помешать ему уйти через расщелину мы не сможем. А если он кинется на тебя... останется одно – прыгать в ущелье. Скорей же всего, если ты не убьёшь

его сразу, он кинется сюда. Здесь-то я его и буду стеречь. Желаю удачи, Джимми!

С этими словами он выбрался из ущелья и притаился за скалой, откуда можно было наблюдать за гризли. Ленгдон же стал осторожно взбираться по отвесной стене ущелья.

Глава 3

Первая встреча

Во всей этой сонной долине ни одно живое существо не было занято так, как Тэр. Медведь этот был, так сказать, личностью весьма своеобразной. Подобно иным людям, он очень рано укладывался спать. В октябре его начинало клонить ко сну, а в ноябре он уже заваливался на боковую в долгую спячку. Спал до апреля и поднимался на неделю, а то и дней на десять позже остальных медведей. Сон у него был богатырский. Но зато, когда он вставал, сна не оставалось ни в одном глазу. В апреле и мае он позволял себе вздремнуть лишь считанные минуты на согретых солнцем скалах. Но с июня и до середины сентября уже дважды в сутки спал часа по четыре, и спал по-настоящему.

В то время как Ленгдон начал осторожно подниматься из ущелья, Тэр был занят по горло. Он поймал того гофера, которого откапывал, и слопал одним духом этого толстого, почтенного вида патриарха. А теперь с увлечением заканчивал свою трапезу случайно попавшейся толстой белой гусеницей и несколькими кислыми муравьями. Он вылавливал их под камнями. В поисках этого лакомства Тэр орудовал правой лапой, переворачивая ею огромные глыбы. Девяносто девять медведей из ста, а то и все сто девяносто девять из двухсот – левши. Тэр же всё делал правой лапой! Это давало ему большое преимущество в драках, так легче было ловить рыбу, да и раздирать мясо тоже было сподручней. Дело в том, что правая передняя лапа у гризли намного длиннее левой. Она настолько длиннее, что если бы гризли вдруг лишился своего шестого чувства – чувства ориентации, то ходил бы, как привязанный, по кругу.

Продолжая свои поиски, Тэр двигался в сторону ущелья. Огромная голова была низко опущена. На близком расстоянии его зрение по своей остроте могло поспорить с микроскопом. А обоняние было настолько тонким, что ему ничего не стоило поймать красного горного муравья даже с закрытыми глазами. Тэр выбирал гладкие, плоские камни. Его огромная правая лапа с длинными когтями действовала столь же совершенно, как и рука человека. Приподнимет ею камень, потянет раза два носом, лизнёт горячим плоским языком – и пошёл к следующему. Он относился к своему делу чрезвычайно серьёзно, как слон, ищущий земляные орехи в стоге сена, и не видел в своих действиях ничего смешного. Ведь не для смеха же на самом деле выдумывала всё это сама природа. Уж она-то знала, что делала!

Временем своим Тэр располагал более или менее свободно и за лето, действуя по своей системе, добывал добрую сотню тысяч кислых муравьёв, сладких гусениц и разных сочных насекомых, не говоря уж о целых полчищах гоферов и маленьких горных кроликов. Вся эта мелюзга помогала ему нагулять впрок необходимые запасы жира, за счёт которых он жил во время долгой зимней спячки. Вот поэтому-то природа и превратила его зеленовато-карие глазки в пару микроскопов, безошибочных на расстоянии нескольких футов и почти бесполезных на расстоянии в тысячу ярдов.

Только он собрался перевернуть новый камень, как вдруг замер на месте и целую минуту простоял, почти не шелохнувшись. Потом голова его медленно наклонилась к самой земле. Чуть внятный, необычайно привлекательный запах доносился до него. Запах был до того слаб, что Тэр боялся шевельнуться – как бы не потерять его направление. Так и стоял, пока не убедился, что не ошибается. Поводя носом и принюхиваясь, он спустился на два ярда ниже. Запах усилился. Ещё два ярда – и запах привёл его к каменной глыбе. Она была огромна и весила фунтов двести. Но правая лапа Тэра отшвырнула её, словно мелкую гальку. Сейчас же из-под неё раздалось яростное, протестующее верещанье, и маленький полосатый горный бурундук метнулся оттуда. Он угодил прямо под левую лапу Тэра, которая обрушилась на него с силой, способной сломать шею карibu. Но Тэра привлёк сюда не запах самого бурундука, а аромат припасов, которые тот хранил под камнем. И всё это сокровище – с полпинты [13 - Пи?нта – 0,567 л.] земляных орехов, заботливо сложенных в небольшой впадине, выстланной мхом, – досталось ему в целостности и сохранности. Орехами их, собственно говоря, только называют. А походили они скорее на картофелины размером с вишню и были крахмалистыми, сладкими и очень питательными. И Тэр, урча, лакомился ими в полном упоении. Поиски его

завершились пиршеством.

Гризли не слышал Ленгдона, подбиравшегося к нему по расщелине всё ближе и ближе, и не чуял его – ветер, как на грех, дул в сторону человека. О ядовитом запахе, так обеспокоившем его час назад, Тэр уже забыл. Настроение у гризли было самым радужным. Ведь природа наделила его добродушным нравом. Потому-то Тэр и был таким толстым и гладким. Раздражительные медведи со злобным, вздорным характером всегда тощие. И настоящий охотник отличит такого с первого же взгляда – он всё равно что взбесившийся слон, отбившийся от стада.

Тэр продолжал свои поиски пищи, подвигаясь всё ближе к расщелине. Он был уже всего в каких-нибудь полутора-два ярдах от неё, когда услышал шум, заставивший сразу насторожиться.

Взбираясь по отвесной стене ущелья, Ленгдон нечаянно столкнулся с камнем. Тот сорвался и, падая, увлёк за собой другие, которые с грохотом обрушились вниз. Притаившийся внизу оврага Брюс беззвучно выругался. Он увидел, как Тэр сел на задние лапы, и приготовился стрелять, если гризли пустится наутёк.

Секунд тридцать Тэр сидел на задних лапах, а затем неторопливой рысцой решительно направился к ущелью. Тем временем Ленгдон, задыхаясь и проклиная в душе своё невезение, из последних сил старался одолеть десять футов, оставшихся до края ущелья. Он услышал крик Брюса, но не понял предупреждения. Он цеплялся за скалу, силясь как можно быстрее покрыть последние три-четыре фута, и был уже почти наверху, когда, замешкавшись на миг, поднял глаза. Сердце его забило так, что, казалось, выскочит. Секунд десять он не в силах был шевельнуться. Взгляд его остановился...

Прямо над ним нависали невероятных размеров голова и огромное плечо чудовища. Тэр смотрел на Ленгдона сверху, разинув пасть и оскалив клыки. Глаза медведя горели зелёными и красными огнями. В этот миг гризли впервые воочию увидел человека. Всей своей огромной грудью вдохнул он горячий человеческий запах и вдруг кинулся от этого запаха прочь, как от чумы.

Ружьё оказалось прижатым грудью Ленгдона к скале, и о стрельбе нечего было и думать. С бешеной энергией карабкался охотник вверх, преодолевая последние фута. Камни и щебень скользили и сыпались вниз. Но только через

минуту удалось ему подтянуться к краю обрыва и взобраться на него.

Тэр был уже на расстоянии доброй сотни футов. Вперевалку, катясь, как шар, мчался он к расщелине. Снизу, из оврага, резко ударило ружьё Отто. Упав на правое колено и облокотившись на левое, Ленгдон открыл огонь с полутораэта ярдов.

...Случается порой, час, а то и всего минута изменит вдруг судьбу человека. За десять секунд, промелькнувших после первого выстрела из ложины, изменился и Тэр. Он надышался человеческим запахом. Он увидел человека. А теперь почувствовал, что такое человек, на собственной шкуре. Точно одна из тех молний, которые так часто на его глазах раскалывали тёмные небеса, сверкнув, обрушилась на него, войдя в тело раскалённым ножом. И одновременно с болью ожога, пронизавшей всё тело гризли, до него докатился непонятный грохот, отдавшийся эхом в горах. Тэр уже взбирался по склону горы, когда пуля ударила его, расплющившись о жёсткую кожу и пробив мякоть предплечья. Кости она, однако, не задела.

Он был в двухстах ярдах от ущелья, когда первая пуля угодила в него, и почти в трёхстах, когда его настигла вторая. На этот раз пуля попала в бок.

Ни один выстрел пока ещё не ранил эту громадину всерьёз. Её не уложили бы и двадцать таких выстрелов. Но второй остановил медведя. С яростным рёвом зверь обернулся назад. Громовый голос раскатился на четверть мили по долине, точно рёв бешеного быка.

Брюс услышал медведя одновременно со своим шестым, совершенно бессмысленным выстрелом с семисот ярдов. Ленгдон в эту минуту перезаряжал ружьё. Секунд пятнадцать Тэр, подставляя грудь под пули, бросал своим рёвом вызов. Он вызывал на бой врага, которого ему уже не было видно. Но вот по спине зверя огненным кнутом хлестнул седьмой выстрел Ленгдона, и, подстёгнутый неодолимым ужасом перед молниями, сражаться с которыми было ему не под силу, Тэр кинулся дальше, через расщелину.

Он слышал и другие выстрелы, звучавшие, как гром, но не похожие на тот гром, что ему приходилось слышать в горах. Пули уже не доставали медведя. Преодолевая боль, он стал спускаться в лощину.

Гризли знал: он ранен, но никак не мог разобрать, что это за раны. Когда во время спуска он задержался ненадолго, на земле под его передней лапой быстро набежала небольшая лужица крови. Недоверчиво, с изумлением обнюхал он её и зашагал на восток. Вскоре на него снова резко пахнуло человеком. Теперь запах доносил переменившийся ветер. И, хотя Тэру очень хотелось лечь илизать раны, он припустился вперёд ещё быстрее. За это время зверь крепко усвоил: человеческий запах и боль неразлучны.

Спустившись в низину, гризли скрылся в густом лесу. Сотни раз Тэр поднимался и спускался по этому ручью. Здесь пролегал главный путь, ведущий из одной половины его владений в другую. Инстинктивно зверь выбирал эту дорогу всякий раз, когда бывал ранен или нездоров, а также и тогда, когда наступало время залечь в берлогу. На то у него была особая причина.

Здесь, в этих почти непроходимых чащах у истоков ручья, он родился. И медвежонком пасся на здешней кумавике и дикой смородине, на мыльнянке[14 - Мыльня?нка - многолетнее травянистое растение из семейства гвоздичных; обладает целебными свойствами.] и сумахе[15 - Сума?х - кустарник, листья которого содержат дубильное вещество.]. Здесь был его дом. Здесь ему никто не мешал. Это было единственное во всех его владениях место, вторгаться в которое не разрешалось ни одному медведю. Вообще же он относился к своим собратьям вполне терпимо, какими бы они ни были: чёрными ли, бурыми или гризли. Пусть себе греются на самых вольготных солнечных склонах в его угодьях, лишь бы проваливали при его приближении. Пусть ищут пропитание и спят на солнышке, пусть живут в мире и согласии, лишь бы только не посягали на его владычество. Тэр был настоящим медведем и не прогонял сородичей из своих угодий, разве что (тут уж ничего не поделаешь!) приходилось иногда напоминать, кто здесь является Великим Моголом[16 - Вели?кий Мого?л - титул бывших монгольских властителей Индостана; здесь властный, могущественный.]. Случалось время от времени и такое. Тогда разгоралась битва. И каждый раз после боя Тэр спускался в эту долину и шёл к ручью

подлечить свои раны.

Сегодня он брёл знакомым путём медленней, чем обычно. Страшно болело предплечье. Минутами боль была так сильна, что лапы его подгибались и он спотыкался.

Несколько раз гризли заходил в ручей по плечи, давая холодной воде хорошенько промыть раны. И мало-помалу кровотечение прекратилось. Но боль стала ещё нестерпимей.

Была и другая причина, почему Тэр избирал этот путь, когда бывал нездоров или получал какие-нибудь увечья. Путь вёл к зелёной лужайке с жидкой грязью – его лечебнице.

Солнце садилось, когда медведь наконец добрался туда. Нижняя челюсть его отвисла. Голова всё ниже склонялась к земле. Он потерял много крови и выбился из сил, а боль в плече мучила так сильно, что гризли хотелось только одного – вцепиться зубами в этот непонятный огонь и рвать, рвать его в клочья.

Грязевая ванна имела футов двадцать – тридцать в диаметре. Посредине отстоялось зеркальце чистой воды... Грязь была жидкой, прохладной, золотистого цвета, и Тэр погрузился в неё по плечи. Затем он осторожно привалился на раненый бок. Прикосновение прохладной глины к больному месту действовало, как целительный бальзам. Она залепила рану, и Тэр почувствовал облегчение.

Долго ещё лежал он на этом мягком и прохладном ложе. Солнце зашло, сгустились сумерки, яркие звёзды высыпали на небе, а Тэр всё ещё лежал, исцеляя первые раны, нанесённые ему человеком.

Глава 4

Планы охотников

На опушке леса, в котором ель перемешалась с пихтой, сидели Ленгдон и Отто и курили трубки. Костёр уже догорал, и последние красные угольки тлели у их ног. В горах на этой высоте по ночам бывает холодно, и предусмотрительный Брюс поднялся и подбросил новую охапку сухих еловых веток. Затем снова поудобнее улёгся, растянувшись во весь свой рост, положил голову на корни ближнего дерева и рассмеялся.

– Смейся, смейся, чёрт побери! – проворчал Ленгдон. – Говорят же тебе, я дважды попал в него, Брюс. Уж дважды-то как пить дать! А ведь я был в чертовски незавидном положении!

– Особенно когда он смотрел сверху и ухмылялся тебе в лицо, – возразил Брюс, не упуская возможности посмеяться над неудачей товарища. – Джимми, ведь на таком расстоянии ты бы мог и камнем его пристукнуть.

– Но ружьё-то было подо мной! – в который уж раз оправдывался Ленгдон.

– Что и говорить, самое подходящее место для ружья, когда идёшь на гризли, – не унимался Брюс.

– Тебя бы на эту кручу! Цеплялся и руками и ногами... Ещё немного, и пришлось бы пускаться в ход зубы. – Ленгдон сел и, выколов пепел из трубки, заново набил её. – Брюс, а ведь это самый большой гризли в Скалистых горах!

– И его шкура уже могла бы стать украшением для твоего рабочего кабинета, Джимми, если бы ружьё не оказалось под тобой.

– Она и будет его украшать. Я не отступлюсь, – торжественно объявил Ленгдон. – Решено. Разбиваем здесь лагерь. Я доберусь до него, пусть придётся потратить хоть целое лето. Я не променяю его и на десяток других. Девять футов, а то и больше! Голова в бушель[17 - Бу?шель – около 35 литров.]. А шерсть на плечах дюйма на четыре. И мне, пожалуй, даже не жаль, что я не убил его. Ему всыпали, и впредь он будет держать ухо востро. Теперь охота становится по-настоящему интересной.

– Безусловно, – подтвердил Брюс. – Особенно если снова повстречаться с ним в ближайшие дни семь, пока раны у него ещё побаливают. Только смотри, Джимми, лучше уж не прячь тогда ружьё под себя... Не стоит...

– А как ты смотришь на то, чтобы стать здесь лагерем?

– По мне, так лучше и не придумаешь: дичи сколько угодно, хорошее пастбище, чистая вода.

Помолчав, Брюс добавил:

– Рана у него нелёгкая. Когда он был на вершине, кровь из него так и хлестала.

При свете костра Ленгдон взялся за чистку ружья.

– А как по-твоему, он не удерёт?.. Не может случиться, что он уйдёт отсюда совсем?

Брюс даже крикнул от негодования.

– Удерёт?.. Чтоб он да сбежал? Он, может, и удрал бы, будь он чёрным медведем. Но он – гризли. Хозяин в этих местах. Может статься, он некоторое время и будет избегать этой долины, но бьюсь об заклад, уходить отсюда и не подумает. Чем сильнее донимаешь гризли, тем больше он лезет на рожон. Ты гоняешь его, не давая ему передышки, а он лезет на рожон всё отчаянней. Пока не сдохнет. И если тебе так приспичило, то мы его, конечно, заполучим.

– Да, приспичило, – повторил Ленгдон с ударением. – Его размеры побивают все рекорды, или я ничего не смыслю. И он нужен мне, Брюс. До зарезу... Как ты

думаешь, удастся нам выследить его утром?

Брюс покачал головой.

– Дело не в том, чтобы выследить, – заметил он, – а в самой охоте. После того как на него нападут, гризли всё время переходит с места на место. Из этой округи он не уйдёт, а вот на открытых склонах больше уже не покажется. Метусин должен быть здесь с собаками дня через три-четыре. Вот когда мы пустим в дело свору эрделей [18 - Порода охотничьих собак.], тогда пойдёт потеха.

Ленгдон взглянул на огонь через отполированный канал прочищенного ствола и сказал с явным сомнением:

– Не верится мне, чтобы он нагнал нас и через неделю. Уж очень гиблыми местами мы шли...

– Ну, этот старый индеец не сбился бы с нашего следа даже на голых скалах, – убеждённо заявил Брюс. – Он будет здесь дня через три, не больше, разве что собаки по глупости будут слишком уж лезть в драку с дикобразами и перекалечатся. А когда они придут... – Брюс встал и потянулся всем телом, – вот тогда-то и пойдёт потеха, – закончил он. – По-моему, медведей в этих горах такая пропасть, что не пройдёт и десяти дней, как все наши собаки будут перебиты... Хочешь пари?

Ленгдон щёлкнул замком, ставя ствол ружья в боевое положение.

– Я доберусь до этого медведя, – сказал он, пропуская предложение Брюса мимо ушей, – и, думаю, мы сделаем это завтра же. Ты, Брюс, конечно, собаку съел по части охоты на медведя, но мне всё-таки кажется, что рана у него слишком тяжёлая, чтобы он забрёл очень уж далеко.

Около костра у них были устроены постели из мягких веток пихты, и, последовав его примеру, Ленгдон расстелил одеяла.

День выдался трудный, и усталость взяла своё. Не прошло и пяти минут, как Ленгдон уснул.

Он всё ещё спал, когда на рассвете Брюс выбрался из-под одеяла. Тихо, чтобы не разбудить товарища, натянул сапоги и четверть мили прошагал по густой росе за лошадьми. Через полчаса он вернулся, ведя Дишпен и верховых лошадей. Ленгдон уже был на ногах и разводил огонь. Ленгдон часто думал, что именно такие вот утра, как это, и помогли ему в своё время разочаровать врачей. Ровно восемь лет назад он впервые попал на север. У него была впалая грудь и больные лёгкие. «Ну что ж, поезжайте, молодой человек, раз уж вы так настаиваете, – сказал один из врачей, – но вы отправляетесь туда на собственные похороны». Теперь же его грудная клетка стала шире на целых пять дюймов, а мускулы – железными.

Из-за гор просочились первые розовые лучи восходящего солнца. Ленгдон всей грудью вдыхал воздух, напоённый ароматом цветов, росы, растений, и вливающее новые силы благоухание пихты. Он не мог, подобно Брюсу, сдерживать радость, доставляемую ему жизнью на лоне природы. Ему хотелось кричать, петь, свистеть. Но сегодня он держал себя в руках, хотя его и трясла охотничья лихорадка. То же самое, правда, не так бурно, переживал и Отто.

Пока Брюс седлал лошадей, Ленгдон замесил пресные лепёшки. Он освоил до тонкостей всю премудрость пекарного искусства охотника. И его метод заключал в себе двойное преимущество: избавлял от хлопот и экономил время. Он развязал один из тяжёлых брезентовых мешков с мукой, примял верхний слой кулаками и сделал углубление в муке; влил пинту воды, полчашки жира карибу, добавил вместо дрожжей столовую ложку пекарного порошка, щепотку соли и принялся месить тесто прямо тут же, в мешке. Не прошло и пяти минут, как пресные хлебцы лежали на большом цинковом противне, а ещё через полчаса завтрак был готов: поджарилась баранина, сварился картофель, а пресный хлеб так пропёкся, что стал золотисто-коричневым.

Когда охотники тронулись из лагеря, на востоке уже показалось солнце. Они проехали долину и, спешившись, стали подниматься по склону горы. Лошади послушно шли за ними.

Выйти на след Тэра было делом нетрудным: большие пятна крови оставались на земле в тех местах, где гризли задерживался, вызывая рёвом врагов на честный бой. До вершины горы они шли по оставленному медведем кровавому следу. Трижды за время спуска в долину обнаруживали охотники места, где останавливался Тэр. И на каждом из них видели следы крови, впитавшейся в землю или запёкшейся на скале. Миновали лес и вышли к ручью. И здесь, на длинной и узкой песчаной косе, следы лап Тэра заставили их замереть на месте.

Брюс не мог отвести от них глаз. Из груди Ленгдона вырвался возглас изумления. Ни тот ни другой не произнесли ни слова. Ленгдон вытащил из кармана рулетку и опустился на колени рядом со следами.

– Пятнадцать дюймов... с четвертью! – с трудом выговорил он, задыхаясь от волнения.

– Измерь ещё раз, – сказал Брюс.

– Пятнадцать... с половиной!

Брюс посмотрел на узкую теснину.

– У самого большого, какого я видел на своём веку, было четырнадцать с половиной, – произнёс он, и что-то вроде благоговейного ужаса прозвучало в его голосе. – Его пристрелили на Атабаске, и он считался крупнейшим гризли, которого случалось убивать в Британской Колумбии... но этот, Джимми... этот ещё больше.

Они отправились дальше и ещё раз измерили расстояние между следами у края первого из водоёмов, в котором Тэр промывал свои раны. Размеры почти полностью совпадали. Теперь пятна крови попадались им лишь изредка. К десяти часам они наконец добрались до лужайки и отыскали место, где Тэр принимал грязевую ванну.

– Туго же ему пришлось, – негромко заметил Брюс. – Почти всю ночь провалялся здесь.

Движимые одной и той же догадкой, оба посмотрели вперёд. В полумиле от них горы образовали узкое ущелье. Туда не проникало солнце, мрак притаился в нём.

– Туго же ему пришлось, – повторил Брюс, не отрывая глаз от ущелья. – Пожалуй, привяжем-ка лошадей. Лучше уж идти дальше без них. Кто знает – может, он и здесь...

Они привязали лошадей в молодой поросли кедра и сняли с Дишпен поклажу. Затем, взяв ружья на изготовку, насторожённо вглядываясь и прислушиваясь, вступили в безмолвие и мрак ущелья.

Глава 5

Мусква

До этого длинного тесного ущелья Тэр добрался ещё на рассвете. После грязевой ванны всё тело ломило, но рану жгло уже меньше, и саднила она слабей, чем вчера. Мучила уже теперь не столько боль в плече, сколько общее недомогание. Медведь был болен, и будь он человеком, то лежал бы сейчас в постели с градусником и врач склонялся бы над ним, подсчитывая пульс.

Медленно, еле волоча ноги, тащился Тэр по ущелью. Обычно такой неутомимый в поисках съестного, сейчас он и думать не мог о еде. Есть не хотелось. То и дело гризли лакал горячим языком холодную воду из ручья. Но ещё чаще оборачивался назад и принюхивался. Он знал, что человеческий запах, загадочный гром и необыкновенная молния притаились где-то у него за спиной. Всю ночь он глаз не сомкнул. Насторожённость не покидала его и сейчас.

У Тэра не было рецептов для каждой отдельной болезни, и премудрость ботанической науки была ему недоступна. Но, создавая его, природа предназначала гризли быть самому себе лекарем. И, как кошка ищет мяту, так же точно и Тэр, когда ему нездоровилось, искал свои лекарственные травы.

Горький вкус имеет не только хина. Все лекарства Тэра были тоже горькими. Пробираясь по ущелью, гризли, не поднимая низко опущенной головы, внимательно обнюхивал молодую поросль и частый кустарник, то и дело попадавшиеся на пути. Так он набрёл на небольшой зелёный участок, заросший кинникеником – красной толокнянкой, этим низко стелющимся по земле растением не выше двух дюймов, с красными ягодами с горошину величиной. Сейчас они были ещё зелёные. Горькие, как желчь, эти ягоды содержали вяжущее подкрепляющее вещество. И Тэр поел их. Потом он отыскивал ягоды мыльнянки, растущие на кустах, напоминающих смородиновые; на них ягоды уже начинали краснеть и были значительно больше смородиновых. Индейцы едят мыльнянку при лихорадке. Прежде чем продолжать свой путь, Тэр обобрал их немного. Они тоже были горькие. Наконец, приюхиваясь к каждому дереву, он нашёл то, что ему было нужно: сахарную сосну, из ствола которой местами сочилась свежая смола. Редкий медведь не задержится у сахарной сосны, когда на ней выступает смола. Это и было основное лекарство Тэра, и он принялся её слизывать. Поглощая смолу, гризли поглощал вместе с ней и все известные медицине лекарства, которые приготавливают из этого вещества. К тому времени, когда Тэр подошёл к концу ущелья, его брюхо было набито разными снадобьями, словно аптекарский склад. В число лекарств входила также хвоя ели и пихты. Больная собака ест траву, больной медведь – хвою пихты, если только ему удаётся разжиться ею. Медведь набивает ею весь желудок и кишечник также и за час до того, как завалится в берлогу.

Солнце ещё не взошло, когда Тэр добрался до конца ущелья, задержавшись ненадолго у входа в низкую пещеру в отвесной стене горы. С тех пор как он помнил себя, только эту пещеру считал он своим родным домом. Пещера была небольшая, но очень глубокая. Весь пол её был устлан мягким белым песком. Когда-то, давным-давно, весенний поток просочился через трещину и выточил в горе эту пещеру, в глубине которой так сладко спится, даже когда снаружи температура опускается до пятидесяти градусов ниже нуля.

Десять лет назад мать Тэра забралась сюда и проспала в пещере всю зиму. А когда вышла весной, то за ней неуклюже ковыляло трое маленьких медвежат. Одним из них был Тэр. Он был ещё полуслепым, и тельце его было почти голым – ведь медвежонок начинает видеть только через пять недель после появления на свет и в это же время начинает обрастать шерстью. С тех пор Тэр уже восемь раз отсыпался в родной пещере.

Захотелось войти и отлежаться в глубине, пока не станет лучше. Минуты две-три гризли постоял в нерешительности у входа в свою пещеру, с наслаждением втягивая знакомый запах, затем принюхался к ветру, потянувшему снизу из ущелья. Что-то подсказывало, что лучше не задерживаться.

С западной стороны ущелья начинался крутой подъём на вершину скалы, и Тэр стал взбираться по нему. Солнце уже успело взойти довольно высоко, когда гризли добрался до вершины. Он задержался там, чтобы перевести дух и оглядеть сверху свои владения по ту сторону горного хребта.

Перед ним открылась долина, ещё более сказочная, чем та, в которую недавно пришли Брюс и Ленгдон. С того места, где стоял Тэр, вся она казалась каким-то волшебным садом. В ширину она достигала добрых двух миль. Её обступали зелёные горы. До их середины, до той границы, выше которой деревья уже не растут, были разбросаны причудливыми, живописными группами на фоне ярко-зелёных трав ель и пихта. Одни – не больше декоративных куст, искусственно высаженных в городском саду. Другие тянулись на целые акры и даже десятки акров. А у подножия склонов – непрерывная кайма леса. И в этих естественных границах простиралась холмистая, пересечённая равнина, вся пестрящая розовыми зарослями иван-чая и горного шалфея, зарослями шиповника и боярышника. По её лощине бежал ручей.

Спустившись ярдов на четыреста, Тэр повернул на север. Теперь он двигался по зелёному склону, переключившись от одного перелеска к другому, проходя в полутора-двух сотнях ярдов над опушкой леса. Обычно в таких местах он охотился за мелкой дичью.

Толстые сурки уже вылезли погреться на солнышке. И их протяжный, ласкающий слух посвист уже слышался сквозь журчание горных потоков и наполнял воздух музыкой. Где-то рядом, рукой подать, то и дело раздавался резкий предостерегающий свист, и сурки распластались на земле, ожидая, пока

огромный медведь не пройдёт своей дорогой. Посвистывание разом умолкало, и некоторое время слышалось одно только безмятежное бормотание дремлющей долины.

Но Тэру и в голову не приходила мысль об охоте. Дважды повстречался дикобраз – любимейшее лакомство, а гризли прошёл мимо, даже не взглянув. Из чащи пахло тёплым, свежим запахом карибу, а он и шагу не сделал к зарослям. Проходя мимо тёмной и узкой расщелины, Тэр услышал запах барсука.

Два часа, не останавливаясь, он всё шёл и шёл на север по горным склонам, а потом спустился к ручью.

Залепившая рану грязь начинала твердеть; отыскав заводь, медведь зашёл в воду по плечи и постоял так несколько минут. Вода промыла раны. Ещё два часа брёл он по ручью, то и дело припадая к воде. И вот наступил, как говорят индейцы, сапусуин – прошло шесть часов после грязевой ванны. Ягоды кинникника и мыльнянки, смола сахарной сосны, хвоя пихты и ели, вода – всё вместе наконец-то оказало своё действие. Тэр почувствовал облегчение. Стало настолько лучше, что впервые за всё это время гризли обернулся в сторону, где остались враги, и зарычал.

Плечо всё ещё саднило, но недомогание как рукой сняло. Несколько минут простоял гризли не двигаясь, раз за разом оглашая округу рычанием, раскаты которого приобрели теперь новый смысл.

До сих пор зверь ни разу не испытывал настоящей ненависти... Он бился с медведями, но его ярость в бою не была ненавистью. Она начиналась у гризли мгновенно и так же быстро проходила, не оставляя после себя теперешней непрерывно нарастающей злобы. Он простолизывал раны, нанесённые вражескими когтями, и испытывал полное блаженство, стоило только унять боль. Новое же чувство было совершенно иным.

Ненависть к вчерашним врагам сейчас была так велика, что он не мог забыть о ней ни на минуту. Он ненавидел и запах человека, и само странное существо с белым лицом, карабкающееся по расщелине. Его ненависть простиралась на всё, что было связано с тем и другим.

Это чувство пробудил в нём инстинкт, а только что пережитое не давало ему задремать. Хотя до этого он ни разу в глаза не видел ни одного человека, гризли сразу же понял, что перед ним – самый заклятый враг, и притом страшнее всех зверей в горах.

Он схватится с любым медведем. Не уступит самой бешеной из волчьих стай. Но от человека нужно бежать! Прятаться! Быть всё время настороже и в горах, и в долинах! Нужно постоянно присматриваться, прислушиваться, принюхиваться!

Почему Тэр сразу же, как только это существо ничтожных размеров ворвалось в его жизнь, почувствовал и понял, что перед ним враг, страшнее которого быть не может, остаётся загадкой природы...

В Тэре заговорил инстинкт, который выработался у медведей с незапамятных времён. Человек с дубиной, а позднее – человек с копьём, закалённым на огне, человек со стрелами с кремнёвыми наконечниками, человек с капканом и западнёй и, наконец, человек с ружьём – на протяжении веков человек был единственным властелином и повелителем гризли. Сама природа внушила это Тэру через сотню, тысячу, десятков тысяч поколений предков. И теперь впервые в его жизни этот дремавший в нём инстинкт проснулся, предостерегая и настораживая, и гризли всё понял. Он возненавидел человека. Отныне и впредь он будет ненавидеть всё, что имеет запах человека.

Но вместе с этой ненавистью родилось то, чего он не знал раньше: страх. И если бы человек не донимал Тэра и весь его род, то мир так никогда бы и не узнал гризли под его теперешним родовым именем: Страшный медведь. А он всё шёл вдоль ручья своей неуклюжей, но твёрдой походкой. Голова его была низко опущена. Задними лапами он переступал вперевалку, как все медведи, только у гризли это получается особенно смешно. Клик-клик-клик! – стучали его длинные когти по камням и резко скрежетали по гравию. На мягком песке он оставлял огромные следы.

Та часть долины, в которую он сейчас вступил, имела для него особое значение, и здесь он замешкался, то и дело останавливаясь и поводя носом из стороны в сторону.

Тэр не приносил обета единобрачия, но вот уже много брачных сезонов подряд являлся сюда в поисках своей Исквау. Он всегда мог рассчитывать, что найдёт её здесь в июле. Это была великолепная медведица, приходившая с запада, крупная и сильная, с золотисто-коричневой шкурой. Красивей медвежат, чем у них с Тэром, не было в этих горах.

Исквау расставалась с Тэром ещё задолго до их появления на свет, и они рождались, прозревали, жили и дрались в долинах и на горных склонах где-то далеко на западе. Проходили годы. И если Тэру случалось потом преследовать кого-нибудь из них, выгоняя из своих охотничьих угодий, или разукрасить как следует в схватке, то природа милостиво оставляла его в неведении на этот счёт.

Он был таким же, как и большинство раздражительных старых холостяков, – недолюбливал малышей. Он был снисходителен к медвежатам лишь настолько, насколько способен какой-нибудь закоренелый женоненавистник быть снисходительным к розовому младенцу. Но жестоким он не был и за всю свою жизнь не убил ни одного медвежонка. Трепал он их немилосердно, когда они набирались нахальства и приближались к нему совсем близко. Но колачивал их при этом только мягкой подушечкой лапы и не сильно – так, чтобы медвежонок только отлетел, перекувыркиваясь, как пушистый маленький мячик. Этим и ограничивалось выражение неудовольствия Тэра, когда какая-нибудь случайно забредшая медведица-мать вторгалась со своими чадами в его владения. Во всех же остальных отношениях он вёл себя безупречно, как истый джентльмен. За ним никогда не водилось такого, чтобы он стал прогонять медведицу с медвежатами, как бы она ни была ему неприятна. Даже если заставал их поедаящими убитую им добычу, и то ограничивался только тем, что давал медвежатам шлепка.

Отступить от этого правила ему пришлось лишь однажды. Год назад он с позором изгнал отсюда одну форменную Ксантиппу[19 - Ксантиппа – жена

греческого философа Сократа, имя которой стало нарицательным для обозначения злой, сварливой женщины.]. Эта медведица упорно старалась внушить ему, что никакой он не хозяин здесь. Гризли для поддержания своего мужского достоинства пришлось задать ей основательную взбучку. Она удирала из его царства со всех ног, и трое злых медвежат неслись за ней, подпрыгивая, как чёрные игрушечные шары, надутые воздухом.

Рассказать об этом следовало, так как иначе читателю будет непонятно то внезапное раздражение, которое охватило Тэра, когда он, огибая кучу валунов, почувствовал этот тёплый и, главное, так хорошо знакомый ему запах. Остановившись, он повернул голову и негромко проворчал какое-то своё медвежье ругательство.

В шести футах от него находился медвежонок, один-одинёшенек. Раболепно расплостёршись на белом песке, извиваясь и дрожа, он не знал, друг перед ним или враг. Ему было не больше трёх месяцев. Он был ещё слишком мал, чтобы странствовать одному, без матери. Острая рыжая мордочка и белое пятно на грудке свидетельствовали о его принадлежности к семейству чёрных медведей, а не к гризли. Всем своим видом он старался дать понять: «Я потерялся... Не знаю, то ли заблудился, то ли меня украли... Я голоден, и мне в пятку попала игла дикобраза». Но Тэр, не обращая на это никакого внимания, снова сердито заворчал и принялся осматривать скалы, отыскивая мать.

Её нигде не было видно. Не слышно было и её запаха. Поэтому гризли снова повернул свою огромную голову к медвежонку.

Мусква – так называли бы его индейцы – подполз на своём животике на фут или два поближе и ответил Тэру, дружелюбно изогнувшись в знак приветствия. Потом прополз ещё полфута. Раздалось ворчание. «Ни шагу дальше, – говорило оно достаточно ясно, – а то полетишь у меня вверх тормашками!» И Мусква понял и замер на месте, прижавшись к земле.

Тэр ещё раз огляделся кругом. Когда же глаза его снова обратились к Мускве, то между ними оставалось уже меньше трёх футов. Мусква смущённо ёрзал по песку и жалобно хныкал. Тэр замахнулся правой лапой. «Ещё один дюйм, и ты у меня получишь!» – проворчал он. Мусква весь изогнулся и задрожал. Облизнул губы красным язычком, сделав это отчасти с перепугу, а отчасти взывая к милосердию Тэра, и, несмотря на занесённую над ним лапу, подполз к гризли ещё дюйма на три. Тэр ещё раз проворчал что-то себе под нос, но уже потише.

Тяжёлая лапа опустилась на песок.

В третий раз он огляделся, потянул носом и снова заворчал. Каждый старый, закоренелый холостяк, безусловно, понял бы, что он хочет сказать. «Да куда же в самом деле запропастилась мать этого малыша?» – говорило его ворчание.

Но вот что случилось дальше.

Мусква подполз к раненой ноге Тэра, приподнялся, почувствовал запах незажившей раны, и осторожно лизнул её; язычок его был как бархатный. И, пока медвежонок зализывал его рану, Тэр стоял не шевелясь и не издавая ни звука. А потом опустил свою огромную голову и обнюхал этот мягкий дружелюбный комочек. Мусква жалобно захныкал, как это делают все оставшиеся без матери дети. Тэр снова заворчал, но уже не сердито. Теперь это уже не было угрозой. Своим огромным горячим языком гризли лизнул медвежонок в мордочку.

«Ну ладно, пошли», – сказал он, снова пускаясь на север. И за ним по пятам последовал оставшийся без матери маленький медвежонок с рыжей мордочкой.

Глава 6

Тэр убивает карибу

Ручей, вдоль которого шёл Тэр, был притоком Бэбин и брал своё начало неподалёку от Скины. Идя к его истокам, гризли забирался всё выше. Местность становилась суровой и дикой. Когда ему на пути попался чёрный медвежонок Мусква, Тэр успел уйти уже миль на семь-восемь от верхней гряды Великого Водораздела.

Склоны гор отсюда выглядели уже иначе. Они были сплошь изрезаны узкими тёмными расщелинами. Во всех направлениях громоздились огромные массивы скал, зубчатые утёсы, крутые сланцевые оползни. Ручей стал бурливым, и идти по нему было всё труднее.

Тэр вступал в одну из своих горных цитаделей. Стоит захотеть, и сотни потаённых убежищ открыты для него в этих диких скалах. Здесь он в любое время убит для себя крупного зверя, и человеческому запаху никогда не добраться сюда.

Оставив позади скалы, в которых он нежданно-негаданно обрёл Мускву, Тэр уже полчаса продолжал всё так же неуклюже взбираться вверх, казалось, совершенно забыв об увязавшемся за ним медвежонке. Однако он слышал, как тот идёт сзади, и чувствовал его запах. А Мускве в это время приходилось туго. Пухлое тельце и толстые лапы ещё не привыкли к такого рода путешествиям. Но это был отважный малыш, и только дважды за эти полчаса принимался он скулить: один раз, когда чуть не полетел со скалы в ручей, другой – когда слишком сильно наступил на лапу, в которой сидела игла дикобраза.

Наконец Тэр оставил ручей, свернул в одно из глубоких ущелий и шёл по нему, пока не выбрался на небольшое плато посередине широкого горного склона. Отыскал здесь скалу на солнечной стороне заросшего травой холма, остановился. Может быть, детская дружба маленького Мусквы, ласка мягкого красного язычка, пришедшаяся так кстати, а может, и стойкость медвежонка в пути затронули наконец чувствительную струнку в сердце огромного зверя, и он сжалился над малышом. Во всяком случае, старательно исследовав воздух, Тэр растянулся на земле у скалы. И, пока он первым не сделал этого, маленький медвежонок с рыжей мордочкой и не подумал лечь. Зато стоило только Мускве лечь, он почувствовал такую смертельную усталость, что уже через три минуты спал как убитый.

Ещё дважды среди дня принятые лекарства оказали на Тэра своё действие, и вот ему захотелось есть. Этот голод нельзя было утолить муравьями да

гусеницами. Даже гоферы и сурки и то не годились. К тому же он, вероятно, догадывался, что и маленький Мусква совсем умирает от голода. Медвежонок уже не раз открывал глаза и всё ещё лежал, нежась на солнышке, когда Тэр окончательно решил, что ему делать дальше.

Было три часа дня. А в июне и в июле в долинах северных гор в это время особенно тихо и сонно. Сурки уже успели насвистеться в полное удовольствие и распростёрлись на освещённых солнцем скалах. Орлы над вершинами гор превратились в точки. Ястребы, уже набив зоб мясом, попрятались в лесу. Горные козлы и бараны залегли где-то высоко в горах, чуть ли не под самым небом. И вряд ли сейчас поблизости было хоть одно животное, которое бы ещё не наелось до отвала и не спряталось. Горным охотникам хорошо известно, что в этот час отдыха разыскать медведя, а особенно плотоядного, очень трудно. Пришлось бы, не жалея сил, обрыскать вдоль и поперёк все горные склоны и прогалины между лесными чащами.

Для Тэра этот час был самым благоприятным. Инстинкт подсказывал, что, пока все звери сыты и спят, передвигаться можно с меньшими предосторожностями, чем обычно. Сейчас было проще выследить добычу и подстеречь её.

От случая к случаю ему и раньше доводилось убить козу или барана, а то и карибу среди бела дня, потому что в беге на близкие расстояния он не только обгонял горную козу или барана, но не уступал и карибу. И всё-таки охотился он обычно на закате или в сумерках.

С громким «ууф», которое мгновенно разбудило Мускву, гризли поднялся на ноги. Медвежонок вскочил, моргая глазами, посмотрел на Тэра, на солнце и отряхнулся. Тэр покосился на этот чёрно-рыжий клубок без особого удовольствия. После наступившего облегчения душа его жаждала сочного, кровавого мяса, так же как здоровому голодному мужчине подавай хороший кусок филе, а не какие-нибудь там разносолы или салат с майонезом. Но как тут загонишь карибу, когда под ногами путается чуть ли не умирающий от голода, но такой непоседливый медвежонок? Тэр призадумался. Мусква, казалось, сам понял всё и тут же разрешил сомнения. Он забежал на дюжину ярдов перед Тэром, остановился и задорно оглянулся на него. Маленькие уши уставились вперёд. У медвежонка был вид мальчишки, который старается убедить отца в том, что он уже подросток для того, чтобы его наконец-то взяли охотиться на зайца. Издав ещё раз своё «ууф», Тэр одним прыжком догнал Мускву и поддал ему лапой так, что тот кувырком отлетел от него на дюжину футов назад. Это было

своего рода нравоучение, смысл которого был ясен без слов: «Знай своё место, если хочешь охотиться со мной!»

И вот, внимательно прислушиваясь, оглядываясь, принюхиваясь, Тэр вышел на охоту. Он спустился к ручью, не доходя примерно сотни ярдов до него. Теперь он не выбирал троп поудобней, а держался каменных нагромождений и завалов. Гризли медленно пробирался, петляя зигзагами, крался, скрываясь за огромными грудками камней, принюхиваясь к каждой расщелине и тщательно исследуя кущи деревьев и бурелом на своём пути.

То он забирался вверх, туда, где, кроме голого сланца, ничего не растёт. То спускался и брёл по песку и гальке вдоль ручья. Ветер доносил разные запахи, но ни один из них пока ещё не привлёк гризли. Он услышал запах козы, когда взобрался наверх и шёл по горному сланцу. Но так высоко гризли не охотился за крупной дичью. Дважды доносился запах барана. И только позднее, уже к концу дня, гризли увидел над собой и самого горного барана, который смотрел на него с отвесной кручи, стоя футах в ста над ним. А на земле то и дело попадались следы дикобразов, и время от времени Тэр застывал на месте над следом карибу, подняв голову и принюхиваясь.

Здесь, в этой долине, бродили и другие медведи. Большая их часть проходила у ручья, и по всему было заметно, что это либо чёрные медведи, либо бурые. Тэр напал и на запах гризли, и его ворчание при этом не предвещало тому ничего хорошего.

Ни разу за эти два часа после ухода с нагретой солнцем скалы гризли не поинтересовался, как чувствует себя Мусква. А того голод донимал всё сильнее, и медвежонок слабел с каждым шагом.

Свет ещё не видал такого стойкого малыша, как этот медвежонок с рыжей мордочкой. Он то и дело спотыкался и падал на неровных местах. На подъёмах, которые Тэр брал одним махом, ему нужны были отчаянные усилия, чтобы не отстать от гризли. Трижды Тэр переходил ручей вброд, и каждый раз Мусква, идя следом, наполовину погружался в воду. Весь избитый, изодранный, мокрый,

он, несмотря на раненую ногу, не отставал, шёл за Тэром по пятам или догонял его бегом. Солнце уже садилось, когда гризли наконец заметил добычу. А Мусква к тому времени был еле жив.

Он не знал, почему Тэр ни с того ни с сего прижался вдруг всей своей огромной тушей к скале, с которой удобно было заглянуть вниз, в небольшую лощину. Он хотел было захныкать, да побоялся. И ни разу ещё за всю его недолгую жизнь мать не была ему нужна так, как в эту минуту.

Медвежонок понять не мог, почему она бросила его посреди скал и так и не вернулась за ним (об этой трагедии Брюс и Ленгдон узнали несколько позднее). Никак не мог он понять и того, почему же она не приходит к нему сейчас. Ведь уже наступил час его кормёжки перед сном. Он же был мартовским медвежонком, и, согласно правилам, которых свято придерживалось большинство медведиц, его ещё целый месяц следовало кормить молоком. Таких, как он, ещё очень нежных медвежат индеец Митусин называл мюнукау.

Так как Мусква был медведем, то и само его появление на свет было не совсем таким, как у других зверей. Его мать, как и все медведицы в холодных странах, произвела его на свет в берлоге ещё задолго до окончания своей зимней спячки. Она родила его, не просыпаясь. Месяц, а то и целых полтора, пока он был ещё голым и слепым, медведица кормила его своим молоком. Сама же всё это время жила без пищи и воды, так ни разу и не открыв глаз, и, только когда этот срок истёк, выбралась с ним из берлоги на поиски чего-нибудь съестного, чтобы, проглотив кусочек пищи, поддержать свои силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гризли - крупный серый медведь, обитающий в Северной Америке.

2

Карибу - некрупный канадский олень.

3

Миля - 1852 м.

4

Акр - мера земли, равная 4046,86 м

5

Фут - 30 см.

6

Гофер – североамериканский грызун.

7

Дюйм – 2,54 см.

8

Гикори – дикий орешник с мелкими орехами.

9

Фунт – 409 г.

10

Унция – 30 г.

11

Ярд – 91 см.

12

«Макдо?нальд» – название жевательного табака.

13

Пи?нта – 0,567 л.

14

Мыльня?нка – многолетнее травянистое растение из семейства гвоздичных; обладает целебными свойствами.

15

Сума?х – кустарник, листья которого содержат дубильное вещество.

16

Вели?кий Мого?л – титул бывших монгольских властителей Индостана; здесь властный, могущественный.

17

Бу?шель – около 35 литров.

18

Порода охотничьих собак.

19

Ксанти?ппа – жена греческого философа Сократа, имя которой стало нарицательным для обозначения злой, сварливой женщины.

Купить: https://telnovel.com/kervud_dzheyms-oliver/grizli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)